

МУЖЕСТВО ЗНАТЬ, ЧЕСТЬ ПОМНИТЬ

24–26 сентября 2009 г. в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена состоялась международная научная конференция «Вторая мировая война как проблема национальной памяти», посвященная трагическому юбилею — 70-летию начала самого крупного и кровопролитного вооруженного противостояния в истории человечества. Три дня историки из Австрии, Белоруссии, Германии, Литвы, Польши, России, Украины, Франции обсуждали проблемы нашего общего прошлого и его интерпретации. Образы войны и мира в индивидуальном и массовом сознании, преподавание истории, география памяти, новые факты и документы, политика и ее влияние на исторические исследования — вот лишь основные из дискутировавшихся, подчас очень остро, проблем (кстати, все без исключения докладчики, выбирая из двух рабочих языков — английского и русского, выбрали русский). В рамках форума прошли два пленарных заседания — «Война: история, память, политика» и «Образы войны и мира», а также два секционных — «Индивидуальная и коллективная память о войне» и «Новые факты и документы».

История Второй мировой войны имеет множество направлений и огромное количество аспектов. Аспект, который мы называем «историческая память о войне» или «Вторая мировая война как проблема исторической памяти», в этом ряду стоит особняком, так как объектом исследования являются не столько события непосредственно военных лет, сколько их отражение в сознании людей, живущих в настоящее время.

Память о войне — это прежде всего отражение и осмысление трагических событий современной истории. История Второй мировой войны, ее образы, существующие в массовом сознании, стали фактором, который активно воздействует на нашу сегодняшнюю общественную жизнь, на внутреннюю и внешнюю политику во многих странах мира.

Хорошо известно, что во все времена исторические сведения и представления избирательно использовались идеологами различных политических сил для пропаганди-

стского воздействия. Однако, пожалуй, только в конце XX — начале XXI в. такое использование стало принимать системный характер. Особенно это бросается в глаза сейчас в странах так называемого «постсоветского» пространства или «посткоммунистической» Восточной Европы и во многом связано с историей Второй мировой войны. Память о ней становится тем объектом, вокруг которого начинают бушевать нешуточные политические страсти. Появилось целое направление в политике, получившее обозначение «историческая политика», т. е. строящая свое воздействие на массы с привлечением образов истории.

Мы видим как ведутся настоящие войны за историю, за право на свой лад интерпретировать и толковать хорошо известные факты. Причем такие баталии разгораются как между политиками разных стран, так и внутри отдельно взятых государств. Увы, нередко, «в основе» исторической политики живет спекулятивное использование памяти о войне. Восприятие

событий последней мировой войны в разных странах способно дать множество примеров разновекторной направленности или даже конфронтации исторической памяти у разных народов.

«Я вспоминаю провидческий роман Оруэлла “1984”, где сказано: “Кто управляет прошлым — тот управляет будущим, кто управляет настоящим — тот управляет прошлым”. Вот потому история стала разменной картой в политических играх. Столкновение памяти происходит в большей степени в странах постсоветского пространства и Восточной Европы. СССР распался, и после его распада поделили территорию, имущество и стали “делить” историю. Это явление уже получило свое определение: «национализация истории», в более мягком варианте — “суверенизация истории”. В странах Восточной Европы была общая идеология, общая политика по отношению к исторической науке, к преподаванию истории. Теперь в каждой стране с помощью переосмысления истории решаются не только чисто научные, но и воспитательные и политические задачи», — поделился размышлениями на конференции ее участник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук В. В. Ищенко, сделавший доклад «Память о войне и война памяти».

Вторжение фашистских агрессоров, перекраивание государственных границ, концлагеря, депортации, утрата независимости целыми государствами и народами и новое её обретение, крушение многонациональных государств, — всё это испытали люди на протяжении неполных шести лет, прошедших с начала Второй мировой войны до ее окончания. Очень насыщена такого рода драматическими событиями была история стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где разворачивались основные события войны. Однако общую историю каждый человек и каждый народ воспринимают по-своему. Национальная и индивидуальная историческая память избирательно подходит к общему историческому опыту. Основные факты ис-

тории мало кто оспаривает. Разнятся, главным образом, оценки, интерпретации фактов. Они-то и являются предметом столкновений. Знакомство и изучение их позволяют сказать, что у каждого народа своя война.

Мы знаем, что в 1920 г. от Литвы был насильственно отторжен Вильнюс и включён в состав Польши. Поэтому возвращение в 1939 г. Вильнюса вновь в состав Литвы может выглядеть как акт восстановления исторической справедливости. Но эти же события, рассмотренные в контексте пакта 1939 г. между Гитлером и Сталиным и реализации секретных протоколов к нему, в результате чего было уничтожено польское государство и разделена его территория, приобретают совсем другую окраску. Вполне естественно, что в Польше и Литве могут по-разному воспринимать и оценивать это событие. Или события 1944 г., когда Красная Армия разгромила войска вермахта и освободила бóльшую часть Прибалтики. Привычно и закономерно, в соответствии с историческими реалиями, трактовать это событие как очень важный этап на пути к окончательному искоренению нацизма в Европе. Однако в молодых государствах Балтии этот вопрос ныне решается не столь однозначно. В России память об этом стала частью национального самосознания. Но для значительной части эстонцев, латышей и литовцев военная победа советских войск помимо изгнания фашистских оккупантов означала возвращение их стран в состав СССР, воспринимаемым как оккупация. У них в памяти ещё был свеж прежний опыт советизации, который за неполный год с июля 1940 по июнь 1941 ознаменовался для многих семей арестами, депортацией в Сибирь, лишением собственности. Этой теме посвятил свое выступление ведущий научный сотрудник Института истории Литвы, доктор исторических наук Альгимантас Каспаравичус. Его доклад — «Вторая мировая война в индивидуальной и коллективной литовской исторической памяти» — вызвал весьма острую дискуссию.

Память об истории вооруженного партизанского сопротивления советскому режиму в послевоенные годы в Западной Украине, Литве, Латвии, Эстонии, Польше. Одни без всяких колебаний считают этих повстанцев борцами за независимость и свободу, героями, добровольно обрекшими себя на мучения. Другие так же безапелляционно видят в них бандитов. Споры между представителями этих точек зрения даже в одной стране выливаются порой в жесткие столкновения. Если же к таким «дискуссиям» примешиваются национально-государственные амбиции с нагнетанием политических страстей, вряд ли можно надеяться даже на попытку достичь взаимопонимания.

Стремление представить пособников нацистов как «героев освободительной борьбы» против и даже попытки дезавуировать истинные намерения Гитлера в отношении «неперспективных балтийских народов», характерны для определенной части общества в государствах Балтии, хотя противоречат исторической правде, как и навязывание им роли лишь «безвинных жертв тоталитарных режимов». «Рижскому процессу», — самому закрытому из всех советских судебных процессов над нацистскими преступниками и их пособниками, состоявшемуся в Риге в 1946 г., — посвятила доклад профессор кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена, доктор исторических наук Ю. З. Кантор.

Сравнительно недавно в государствах, возникших на месте бывших республик СССР, по примеру стран Балтии появилась новая тема для общественных дискуссий — «советская оккупация» этих стран, охватывающая период с 1918–20 гг. по 1991 г., т. е. до распада СССР. При этом вольно или невольно взоры сторонников теории оккупации обращаются в сторону Москвы, имея в виду известное положение о том, что Россия является правопреемником Советского Союза как субъекта международного права. Подобная интерпретация вызывает у многих российских граждан удивление, если не сказать, раздражение. Почему-то выпуска-

ется из вида то, что советский режим в России был установлен так же, как и в других частях бывшей Российской империи — в результате революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Советская власть повсеместно носила характер классовой диктатуры и была интернациональна.

17 сентября 1939 г. стал днём национальной трагедии польского народа. Страна, которая к тому времени более полумесяца вела на западном направлении кровопролитные бои против гитлеровской агрессии, подверглась в этот день на своих восточных границах ничем не спровоцированному вторжению советских войск. Это исторический факт. И никакие ссылки на несправедливость границ 1920 г. и необходимость для Советского Союза обеспечить себе оборонительные рубежи на западных границах не могут снять со Сталина ответственность за соучастие в разделе Польши с гитлеровской Германией, не могли и не могут служить утешением для поляков.

«Сентябрь 1939 года (когда Польшу после подписания пакта Молотова—Риббентропа «разделили» Германия и СССР. — Ю. К.), Катынь, потом сложная история с освобождением Польши в 1944–1945 гг.. Так как мы по этим проблемам имели разные представления и стереотипы, разные видения ситуации, то и в памяти осталась конфронтация. Тем более о многих сюжетах во времена Варшавского договора просто нельзя было говорить. Долгое молчание, вернее, замалчивание только раскаляет память. Потому память осталась такой горячей и у вас, и у нас. Накал может быть немножко слабее или сильнее — это зависит от актуальных проблем и, что немало важно, от того, насколько ею манипулирует политика. Потому я и назвал свой доклад “Вторая мировая война в польской памяти и польской политике”. В генеральном масштабе можно сказать, что память — рефлексия прошлого, а не его констатация, т. е. не сама история. И конфликты не стираются из памяти, ибо они эмоциональны. Они переходят в память семейную, память

поколений», — говорит в своем докладе на конференции доктор исторических наук, профессор Института политических исследований РАН Анджей Пачковский.

Однако 17 сентября 1939 г. в результате действий Красной Армии были воссоединены в одно целое украинские и белорусские земли, что для многих жителей Украины и Белоруссии воспринимается как праведное исторически оправданное позитивное событие, а для иных — как преступное следствие деяния двух диктаторов.

Возникает вопрос: может ли историческая память украинцев, белорусов и поляков применительно к этой дате быть поразному окрашенной? Другими словами, вправе ли сейчас украинцы и белорусы иначе воспринимать эти события, чем поляки? Безусловно, вправе. Но при этом наши современники, живущие и в Польше, и в Украине, и в Белоруссии имеют право ждать друг от друга понимания причин, почему существуют различия в их памяти. В этой связи на вопрос, имеет ли право нынешнее поколение людей, живущих на так называемом «постсоветском пространстве», гордиться военными победами своих отцов и дедов, освобождавших Европу от фашизма, следует прямой ответ: вне всякого сомнения, так как это право оплачено кровью сотен и сотен тысяч солдат, погибших или раненых в ходе войны.

Значительное внимание на конференции было уделено проблематике Ленинградской блокады. Заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН А. А. Чистиков в своем выступлении «8 сентября 1941 г.: формирование исторической памяти» проанализировал формирование стереотипных представлений о начале блокады. А член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский в докладе «В чем смысл “Подвига Эрмитажа”», — раскрыл проблему образной и фактологической памяти о духовном противостоянии ужасам блокады. Сталинградской битве посвятили свои доклады профессор Женевского университета Ж. Нива «Размышления

о трех Сталинградах: В. Гроссмана, А. Беевора, Ж. Литтеля», и доцент Волгоградского государственного технического университета, кандидат исторических наук Е. В. Огаркова: «Между “молотом” пропаганды и “наковальной” войны. Сталинградская битва глазами художников-современников».

Почти в каждом из многочисленных образов прошлого, порожденных национальной памятью о войне, можно увидеть и стремления людей, в том числе и политических лидеров, так или иначе оправдать собственный народ или вынести на первый план такой фрагмент исторической истины, который в более выгодном свете показывает своих соотечественников и менее заметен и важен для соседей. Различие исторических оценок — это реальность, которую бессмысленно затушевывать.

Трагедии прошлого, прежде всего трагедии, связанные с предысторией и историей Второй мировой войны, неосознанные, неосмысленные или осмысленные лицемерно становятся основой для новых историко-политических мифов, влияют на национальные менталитеты, сталкивают между собой страны и народы. Признание неоспоримой вины и покаяние — нерасторжимы с обновлением общества, оздоровлением национального самосознания. Об том говорил на конференции директор музея «Карлсхорст» доктор Йорг Морре в докладе «Русско-немецкий музей “Карлсхорст” как место исторических воспоминаний». «Почему началась эта война, почему мы стали нацией агрессоров, почему мы не поняли, куда ведет Гитлер, ни в 1938-м, ни в 1939-м, ни в 1941-м? Почему война не закончилась после Сталинграда, почему мы допустили, чтобы она продолжалась? Почему, когда нацисты организовали холокост и уничтожили евреев Европы и, соответственно, часть европейской цивилизации, мы молчали? Почему покушение на Гитлера произошло только в 1944-м? Куда до того смотрели немцы?! На все эти нелегкие вопросы невозможно ответить сразу и только “сверху”. Нужна была большая скрупулезная работа поколений. Иначе нам было не

подняться. Советские войска дошли до Берлина, а союзники — до берегов Эльбы в 1945-м, и только тогда наступил конец фашизму. За нас сделали то, что мы обязаны были сделать сами. И это очень стыдно. И после 1945-го нам предстояла огромная работа над фатальными ошибками. Это наша история. Нравится она или нет, но она наша, немецкая. Очень хотелось бы, чтобы такого чудовищного куска в нашей истории не было. Но он был, мы его допустили. И ответственность на нас. Знаете, по всей Германии есть мемориальные комплексы на месте бывших концлагерей. Туда водят школьников и студентов на занятия по истории: они должны понимать, что фашизм был не где-то далеко, а здесь, рядом — везде. Что колючая проволока разделила общество, самих немцев. Что Германия вела войну на уничтожение, Гитлер хотел не просто победить, он хотел уничтожить СССР и Польшу, поработить Европу. Но,

голосуя за него, мы уничтожали сначала Германию. Это необходимо понимать уже с детства». Для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий нужен не поиск виноватых, а поиск исторической истины и гражданская ответственность за историю собственного народа, собственной страны. Такую ответственность добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества. Именно гражданская ответственность за собственную историю и умение извлекать из нее уроки, а не великие достижения или великие катастрофы делают народ в полной мере нацией, т. е. обществом сограждан. Воспитание такой ответственности — это долгий и кропотливый труд осмысления и переосмысления прошлого, не отворачиваясь от исторической правды, какой бы горькой она ни была.